

Виктор КЛЕЩЕВ
г. Петрозаводск

Из сборника рассказов
«Виткинны каникулы»

Первая
кравь

На летние каникулы отец привозил Витьку к родственникам в село Николаевка, что на берегу Иссык-Куля, — позагорать, покупаться, набраться сил на этой красивой и благодатной земле. И хоть они вовсе и не дедушка с бабушкой Витьке, а дядя и тетка (Елена — папина родная сестра), звал их паренек бабой и дедом, потому что, когда ему стукнуло десять лет, им было к семидесяти. Крепкие были старики, добрые — недаром потомки казаков, которые на киргизскую землю пришли.

Николаевка просыпалась. Сонливые коровы еще засветло поплелись с пастухом на выгон. Гуси семьями степенно потянулись к затону. Куры, те, что уже сегодня снеслись, орали на всю округу, переругиваясь, точно сварливые бабы на базаре. Пытаясь их перекричать, протяжно, с достоинством голосили петухи.

Раннее утро в доме пахло дымком (баба Лена растапливала печку в летней кухне), гремело металлическим звоном кастрюлек и чайника. Дед Семен тоже всю деловито хлопотал — готовил бричку к поездке в райцентр. Все-таки неблизкий путь. Дед держал пару ослов. Готовясь в дорогу, он всегда запрягал сначала спокойную, терпеливую Машку, а потом — упрямого, своенравного Яшку. Запрягая, дед легонько подталкивал Яшку коленом под живот и приговаривал:

— Хы, зануда! Яшка, стой, ту еттить!

Когда брочка была готова, дед вместе с бабой Леной, побряхтывая, грузили в нее тяжелые молочные фляги, доверху наполненные медом. Мед дед Семен сбывал в райцентре, как он сам говаривал, за хорошие деньги.

Растаскивая воротины и выводя брочку, дед Семен по-хозяйски наказывал бабе Лене:

— Лена, ты корми Витьку! Смотри, мослы у него торчат, как у коровы рябой вдовы. Батька приедет, кажет: заморили сынка маво!

Баба Лена обиженно отвечала:

— Езжай уже, Семен, — махнула она рукой. — Без тваво указа разберемся аль нет...

Дед Семен ловко, по-молодецки запрыгнул в брочку и взялся за поводья. Чуть помедлив, ослы пошли, набирая ход. Вслед за брочкой от земли серой удушливой пеленой поднялась глиняная пыль, а соседские собаки, которые от скуки кидались на все, что движется, провозжали деда Семена залиvistым лаем.

Когда бабушка вернулась в дом, заспанный Витька уже позвякивал алюминиевым умывальником. Баба Лена напоила внука чаем с жирным молоком и накормила еще теплыми блинами с медом. Несмотря на опасения деда, аппетит у Витьки был всем на зависть — уговаривать не пришлось.

После завтрака сытый Витька блаженно развалился на дедовой скамейке и, прикрыв глаза, млея под ласковыми лучами утреннего солнышка, струившимися сквозь ветки старой ивы, раскинувшейся во дворе. Но это продолжалось совсем недолго.

— Витюшок! — раздался над самым ухом голос.

Витька открыл глаза.

— Дед уехал, — продолжала баба Лена, — а куру мне не зарубил. У меня-то, вишь, рука болить, — она покрутила ладонь перед носом внука. — А как обед готовить без куры? Витюшок, надо тебе куру рубить...

Баба Лена на самом деле лукавила, она решила устроить испытание для Витьки и посмотреть, как он с ним справится.

Витька так разомлея под солнечными лучами, что сначала даже не осознал весь трагизм предстоящего. Как только до него дошло, на какой «подвиг» посылала его бабушка, вдруг

вскочил как облитый холодной водой и большими глазами удивленно уставился на бабу Лену.

— Баба Лена, как рубить? Что ты? Я не умею! Я не могу! Ты что? — открещивался Витька, частя словами от волнения.

— Что-что... Надо рубить! А что йисть будем, а? Да ты не тушуйся, ты же парень ужо большой, я тебя научу, — не отступала баба Лена.

Поначалу от ужаса Витьку бросило в жар, потом по вискам и спине понесли струйки ледяного пота, он побледнел и присел на скамейку.

— Что ты, Витюшок? Не бойсь. Щас принесу топор и пойдем ловить куру, — деловито успокоила баба Лена.

Витька некоторое время сидел словно в ступоре, в ушах стоял слабый шум. На пороге сарая появилась баба Лена с топором в руках. Она бодро крикнула: «Айда!» И Витька обреченно потащился следом за ней на скотный двор.

— Вот, Витюшок, вишь вон ту коришневую с пятнышком на спинке? Слови ее, — командовала и ткнула пальцем в намеченную жертву баба Лена.

Витька послушно перелез через жердину и, прицелившись, кинулся на кур. Он с первого раза ухватил ту, которую она указала. Витька держал куру в охапке, а та, крича на всю округу, изо всех своих куриных сил пыталась вырваться. Тело ее было очень горячим, или, по крайней мере, так показалось Витьке.

То одним, то другим глазом птица укоризненно посматривала на Витьку, как будто предчувствовала свою близкую кончину и взывала его о пощаде. Витька осторожно вылез из курятника, стараясь не упустить курицу, и подошел к бабе Лене.

— Ну, вот молодец, Витюшок, молодец! Теперь положи куру на доску, наступи ногой на крылья, одной рукой держи ноги, а другой — топор, — учила баба Лена. — А щас — на топор и тюкни им куру по шее. Тока смотри: сразу ноги не отпускай. Понял? Ну, давай с богом, родной. Давай руби! — благословила она.

Витюшок топтался в нерешительности и растерянно отводил глаза. Глядя, как он мучается, баба Лена приподняла край фартука и

приложила к своим губам, а другой рукой прикрыла глаза от солнца.

Собрав всю свою детскую волю, Витька размахнулся и...

И сразу бросил топор, отскочил от зарубленной птицы, напрочь забыв о бабушкиных наставлениях. Свесив набок голову, птица помчалась по двору, раскрашивая все попавшееся навстречу ярко-красным цветом.

Витька, еще не оправившийся от пережитого, заволновался и заорал:

— Вот тебе, ту еттить, давай руби!

Баба Лена, услышав знакомые до боли слова, залилась хохотом.

Витька первые секунды не мог понять, почему баба Лена смеется. Но, вспомнив то, что сам прокричал, тоже залился смехом, а потом подошел к бабе Лене, обнял ее, и они еще некоторое время по очереди повторяли вырвавшиеся из Витьки вопли, передразнивая друг друга.

Привычным движением баба Лена погладила Витьку по вихрастой головушке, затем подобрала курицу, свалившуюся в пыли возле забора, и повела в летнюю кухню. Она сразу начала хлопотать с обедом — принялась варить домашнюю лапшу. Витька был уверен, что такую вкусную лапшу никто больше в этом мире не умеет варить, а только баба Лена.

К обеду, когда домой вернулся дед Семен, Витька с гордостью стал рассказывать ему про то, как он впервые зарубил курицу сам. Сам! Баба Лена дополнила этот рассказ воплями Витьки, по-доброму передразнивая его. Теперь уже посмеялись втроем — вместе с дедом, после чего тот, откашлявшись, похвалил Витьку:

— Молодец, Витька, ту еттить, не посрамил мужика!

Во время обеда дед Семен рассказывал увиденные и услышанные им в райцентре новости. И бабушкина лапша с курицей удалась на славу.

Витьку переполняла гордость. Он с удовольствием думал про себя, что теперь-то он точно стал настоящим мужиком!

Когда солнце уже показалось над кромкой гор и пролилось яркими лучами на Николаевку, Витька еще сладко спал. В комнате было тихо и нежарко. Лишь на стене отмеряли такт часы-ходики, на циферблате которых была нарисована мордочка кота. Кошачьи глаза, повторяя движения маятника, смотрели то в одну, то в другую сторону. За маятником на цепочках висели две гирьки в виде еловых шишек. Под тиканье этих часов Витьке очень хорошо засыпалось, и спать они не мешали.

Спящий Витька возлежал в кровати на двух матрасах, сложенных один на другой, и двух мягких подушках. Укрыт он был легким пуховым одеялом. Баба Лена очень любила Витьку и, дай ей волю, положила бы ему еще два матраса, кучу подушек и одеял.

Над кроватью на стене висел небольшой коврик, на котором была выткана семья оленей в горном ущелье рядом с высокими голубыми елями на берегу каменистого ручья. Олень с огромными ветвистыми рогами, гордо подняв голову, осматривал окрестности. Олениха смотрела на олененка, а малыш пил воду из ручья. Краски были какими-то неестественными, но похожими на жизнь, но картину это не портило.

Между маленькими окнами на тумбочке, заботливо покрытой бабой Леной кружевным полотенцем, стоял старый радиоприемник с огромными ручками по бокам, кнопками и стеклянной шкалой. На приемнике в бумажных конвертах аккуратной стопочкой лежали черные пластинки. Вдоль другой стены стоял старый большой комод с медными ручками на ящиках, похожими на половинки ракушек. На

комоде — две коробки. Одна — от конфет, которые давно съели, но запах шоколада еще не выветрился и подразнивал Витькин нос, когда он снимал крышку. На темно-синей крышке в голубом овале, обрамленном золотым узором, была нарисована сценка из балета. В этой коробке баба Лена хранила всякие нужные ей бумаги. В другой, похожей на шкатулку и покрытой вытертым от времени бархатом, коробке лежало немного бумажных денег. Над коробками возвышалась фарфоровая статуэтка балерины с изящно отставленной немного назад ножкой. Одна рука ее колечком лежала на балетной пачке, а другая была слегка согнута в локотке и поднята над головой.

Рама над комодом пестрила старинными пожелтевшими фотографиями и открытками, закрытыми стеклом. Но все это не особенно интересовало Витьку. Он любил рассматривать то изображение за стеклом, и тоже обрамленное рамой, которое стояло на полочке под потолком в самом углу комнаты. То была икона в обрамлении матерчатых цветов и с поблескивающим металлическим окладом. Женщина с младенцем на руках, чуть склонив голову, смотрела на Витьку большими печальными глазами. Кружевное полотничко, расшитое цветными нитками, которое баба Лена постелила на полочку, придавало иконе особую нарядность, будто каждый день — праздник.

Из комнаты по-прежнему не доносилось ни звука. Баба Лена тихонько заглянула внутрь, беспокоясь, почему Витька так долго спит. А тот, оказывается, уже проснулся. Блаженно потягиваясь, он улыбался новому утру, обещающему солнечный жаркий денек. Сгибая ноги в коленках, он резко их распрямлял и сбивал одеяло на край кровати.

— Ну, с добрым утречком, Витюшок! — ласково заворковала баба Лена. — Проснулся? Вот молодец, вставай давай.

Входя в комнату, бабушка взглянула на икону, поправила белую косынку на голове и, чуть заметно кланяясь, трижды перекрестилась. Наблюдавший за этим Витька, усаживаясь на постели, спросил:

— А почему на руках у тети нарисован не мальчик, а маленький взрослый дяденька?

Баба Лена на некоторое время задумалась, подошла поближе к иконе, еще помедлила и ответила:

— Это, Витюшок, Божья Матерь наша. А когда Бог пришел к людям деять добро и помогать, он уж был большой. Взрослый, значить.

Она снова перекрестилась и добавила:

— Ну, пойдём, родной, с дедом завтракать будем. Яишенки нажарила, вкусной. Как ты любишь, мешана с зеленым луком.

Витька словно мимо ушей пропустил заманчивые обещания. Да и баба Лена остановилась в дверях, опять задумалась: правильно ли объяснила или нет?

— Баба Лена, а почему так рукой делала? — не унимался Витька и повторил ее крестное движение.

— А потому, Витюшок, крестюся, прощенья прошу, значить, — объяснила баба Лена.

— А за что просишь прощенья, ты провинилась, что ли? — удивленно расспрашивал Витька, опуская ноги с постели.

— Да за все, родной, на будущее тож прошу. Говорю: если Витюшок нашкодить чаво, прости, мол, маленький ишо. Ну, айда уже, — баба Лена начала терять терпение.

В летней кухне на привычном месте возле окна уже сидел дед Семен.

— Здоров, Витька, — дед похлопал его логонько по спинке, когда тот подошел к столу.

— Доброе утро, деда, — ответил тот.

— Шо значить городской, а, Лен? «Доброе утро!»

Целый день Витька вспоминал слова бабы Лены и что-то про себя размышлял. А когда вечером пришел спать, он лег и долго смотрел на икону. Потом встал, перекрестился, как баба Лена, поклонился и снова лег. Уже засыпая, Витька решил, что надо над этим еще как следует подумать и расспросить бабу Лену побольше про этого маленького дяденьку и его маму.

Николаевка славилась на всю округу своими яблоками. Яблоневые деревья обязательно росли в каждом саду. В здешних садах найдешь яблони разных сортов: были и ранние — созревавшие уже в мае, и летние, а зимние наливались кисло-сладким соком только с первыми заморозками. Некоторые яблоки были похожи на груши — по вкусу они напоминали и то, и другое.

В этом году урожай был особенным — яблоневые деревья прямо усыпаны плодами. Редкие летние грозы срывали спелые яблоки и разбрасывали их по всему саду. Иногда, спрятавшись в траве от хозяев сада, через год-два они и сами пробивались молодыми побегами — будущими деревцами.

Витька очень любил яблоки, ел помногу, оставляя лишь косточки от них. Особенно он любил апорт. Это были самые крупные и вкусные яблоки, какие у них росли. Апорт отличался от других тем, что, если яблоко ударилось о землю или о ветку, оно быстро портилось. Их снимали с дерева специальными съемниками на длинных палках. А Витька просто залезал с корзинкой в руках на дерево, вешал ее на ветку с помощью привязанного к ручке крючка из проволоки, срывал приглянувшиеся яблоки и складывал их в корзинку. Витьке очень нравилось лазать на дерево апорта. Крепкие и толстые, причудливо извивающиеся ветки начинались невысоко над землей. Одного основного ствола не было — ветки поднимались вверх ярусами, как будто специально были предназначены для лазанья.

Витька старательно набрал полную корзинку краснобокого апорта, принес ее бабе Лене,

которая занималась своими делами в дальнем краю сада, и рапортовал:

— Задание выполнено!

Баба Лена довольно оглядела плетеную корзинку с красивыми, как на натюрморте, яблоками, похвалила Витьку и дала новое поручение:

— Витюшок, ты погляди-ка: в саду много яблок после грозы в траву попадало. Поди, родной, набери ведро и дай осликам. Яшка и Машка их очень любят.

Витька схватил пустое ведро и с радостью побежал под яблони, где похулиганила ночная гроза. Он любил тут лежать в траве на спине и смотреть сквозь ветки больших садовых деревьев в небо. Кроны покачивались от ветра, листья шипели и перешептывались, а стволы старых яблонь поскрипывали. Ветки яблонь напоминали руки дирижера большого оркестра. Это была чудесная музыка сада, дополняемая гулом пчел, криками птиц и голосами животных, доносившимися со двора. Но сейчас надо работать. Витька шустро внаклонку собирал ведро яблок и понес на скотный двор.

В тени навеса, покрытого камышом, за заборчиком из сухого ивняка стояли ослики Яшка и Машка. Они дремали. Возле их морд копошились назойливые мухи. Время от времени животные мотали головами и сгоняли их, переминались на маленьких копытцах и крутили короткими хвостами. «Как они при этом умудряются спать?» — подумал Витька, протягивая ладошку, чтобы погладить Яшку.

Паренек поставил на землю ведро с яблоками и стал подавать их поочередно то Машке, то Яшке. Яшка при этом старался оттолкнуть Машку и выхватить угощение, но она быстро и ловко хватала свое, да и Витька ей помогал, чтобы была не в обиде. Витьке нравилось, как ослики осторожно, сначала понюхав, потом, как будто ощупывая, берут яблоко пухлыми, мягкими, покрытыми редкими и жесткими волосами губами, начинают с удовольствием разгрызать яблоки, брызгая соком.

Витька решил поиграть со строптивым Яшкой. Он сначала дал ослику очень сладкое красное яблоко, а потом выбрал еще недозревшее и очень кислое. Яшка, не подозревавший подвоха, привычными движениями взял плод, но, когда начал жевать, замер, прижал длин-

ные уши к голове, затем широко открыл один глаз, Витьке даже показалось, что ослик скорчился, а потом стал мотать головой и фыркать, выплевывая остатки кислющего яблока.

Витька так и покотился от хохота. Такого представления он еще не видел. Он снова взял сладкое яблоко и протянул Яшке. Тот опасливо обнюхал, прикоснулся губами, но тут же отпрянул и не стал брать яблоко.

— Яша, ну, извини, на яблоко. Оно очень сладкое, — увещевал Витька ослика, изображая, будто бы сам ест и что ему очень вкусно.

Когда Яшка, помедлив, решился взять, Витька тихонько подменил яблоко. Обманутый ослик был вынужден повторить представление снова.

Довольный, что номер удался, Витька опять залился звонким смехом. А Яшка обиделся и из рук больше яблоки не брал. Витька высыпал их в деревянное корыто и ушел.

Он даже не мог себе представить, что Яшка затаил на него настоящую обиду и совсем скоро припомнит Витьке кислые яблочки.

Когда мама уезжала из Николаевки в город, она оставила Витьке немного денежек. Так, на всякий случай. Недолго думая, Витька решил, что такой случай как раз настал. Он надумал отправиться в магазин. Магазин, как и все самое важное в селе, располагался в центре. Николаевка была очень большой. До магазина надо было пешком идти не меньше получаса, потому Витька пошел попросить у деда Яшку — покататься.

Он нашел деда Семена в сарайчике, где тот обычно что-то мастерил. Там стоял верстак, на полках — много всяких инструментов, в пестрых металлических коробочках из-под монпансье хранились гвоздики, а стены дедушка приспособил для хранения разных инструментов — висели топоры, косы, какие-то непонятные железные штуковины. В сарайке всегда вкусно пахло деревянными стружками, древесной смолой и еще чем-то. Дед Семен сидел на скамейке, а между ног у него была зажата железяка, на которую был надет сапог. Держа в зубах несколько гвоздиков, он аккуратно брал их по очереди и забивал в подошву сапога молотком.

— Чаво тебе, Витьк? — оторвался от своего занятия дед, но молоток из рук не выпустил.

— Деда, дай покататься на Яшке, пожалуйста. Ты как-то обещал, — начал Витька.

Дед Семен прищурился, пристально поглядел на Витьку, затем не торопясь забил очередную гвоздь.

Прошла еще пара минут. Дед спросил:

— А почему на Яшке? Бери лучше Машку, она смиреннее.

— Нет, деда, давай на Яшке, — настаивал Витька, а почему — и сам не знал.

— Ну, айда, пошли! — приподнялся дед со скамейки.

Они вышли и направились к навесу, возле которого топтались ослики. Дед Семен взял седло, уздечку, сам неторопливо запряг Яшку, проверил, а потом передал поводья внуку.

— Ну, держи, наездник! Смотри, ту еттить, не кувырнись. Да не гони шибко.

— Ладно, деда. Я аккуратно, — пообещал Витька, держа Яшку за поводья.

Он уже не раз видел, как взрослые и дети в Николаевке садятся на лошадь или осла. Вроде и немудрено! Сел да поехал. Витька вывел Яшку за ворота, набросил поводья на кол. Засунул ногу в стремя, закинул вторую и уселся в седло, прихватил поводья и, подталкивая пятками ослиные бока, поехал.

— Ну, пошел, Яша, давай, — негромко приговаривал Витька.

А Яша шел не спеша. Иногда он резко или даже рывком опускал голову вниз, отчего поводья натягивались. Витьке приходилось тоже резко наклоняться вперед, чтобы не упустить их.

— Но, Яшка! — громче закричал недовольный Витька и сильно ткнул пятками.

Неожиданно Яшка, вздрогнув ушами, припустил изо всех сил галопом. От этого Витьку стало трясти и подбрасывать в седле.

— Я-а-ша, сто-ой! — пытался остановить его Витька, у которого сердце ушло в пятки.

Но Яша не слушался. Витьке ничего не оставалось, как вцепиться в седло двумя руками и просто болтаться в такт бегу Яшки.

Наконец ослик добежал до маленького ручейка, протекавшего поперек улицы, и вдруг сам остановился. Тут Витька немного пришел в себя, огляделся. Ему бы надо было вернуться, но он решил не сдаваться. В магазин — значит, в магазин!

— Ну, Яшка, вперед давай! — четко и громко командовал Витька, надеясь, что ослик проникнется, паренек опять ткнул Яшку пятками в бока.

Вдруг произошло то, чего Витька никак не ожидал: бунтарь Яшка резко опустился на колени передних ног, а задними слегка подскочил на месте. Витька при этом сделал кувырок через Яшкину голову и улетел в ручей, подняв вокруг брызги. А ослик Яшка тем временем развернулся и стремительно поскакал в сторону дома. Он бежал и, поднимая голову вверх, возмущенно кричал: «Иа-иа-иа!» Потом вдруг притормозил, поставил вертикально уши и покосился одним глазом назад, будто озабочен, как там наездник.

Витьке было сыро, больно и даже обидно. Спотыкаясь о камешки, он выбрался из ручья и, замерзший, промокший до нитки, погрозили вслед кулачишкой убегающему Яшке, уже едва приметному на дороге. Посидев немного на пригретом летним солнышком камне, Витька немного успокоился от пережитых волнений, а потом потихоньку отправился домой.

А у ворот собственной персоной преспокойно стоял беглец Яшка, дед Семен его распрягал.

— Ну шо, Витька, накатался, а? — сказал дед и насмешливо улыбнулся.

— Деда, почему он меня сбросил? — спросил паренек, наблюдая, как ловко тот снимает упряжь.

Дед Семен внимательно посмотрел на Витьку, подмигнул и ответил:

— Яшка — зануда, хитрый, не смотри шо осел. Ты нать его задел чем...

— Как задел?

— Ну, обидел, може, чем... Или сказал чаво... — пояснил дед.

— Сказал! Ты вон как его ругаешь. И что? — запальчиво повысил голосок обидевшийся Витька.

— То я, а ты ишо чужой, — покачал головой дед Семен и многозначительно замолчал.

Тут Витька сразу припомнил и рассказал ему про кислые яблочки — как он веселился, а Яшка фыркал и плевался.

Дед выслушал и посоветовал:

— А ты помирись с ним, с Яшкой-то...

Витька минутку постоял, переминаясь с ноги на ногу, соображая, как мириться с осликом — ведь это не соседский мальчишка, а потом подошел к Яшке, обнял его за теплую, упругую шею и прошептал в большое ухо:

— Ну, прости меня, Яша. Давай дружить.

Яшка как будто бы все понял и прижал в знак примирения уши. Пухлыми губами он осторожно ткнул Витьку в руку. Витька еще раз погладил Яшу, взял осторожно за кончик уха, и они вдвоем пошли на скотный двор, где уже их ждала Машка. Так Витька и Яшка стали друзьями и еще не раз играли на пустыре в догонялки — то Витька догонял Яшку, а то и Яшка — Витьку.

□

Виктор Петрович КЛЕЩЕВ

родился в 1956 г. в Алма-Ате Казахской ССР.

С 1980 года живет и работает в Петрозаводске.

Полковник запаса.

Пробует себя как прозаик.

Дебют в «Севере»..

